

Розанов Василий Васильевич

**Война 1914 года и русское
возрождение**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Васильевич Р.**
Война 1914 года и русское возрождение / Розанов Василий Васильевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 241 с.

ISBN 978-5-519-80989-4

Первая мировая война

ISBN 978-5-519-80989-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

На улицахъ Петербурга

I

Что-то неописуемое дѣлается вездѣ, что-то неописуемое чувствуется въ себѣ и во-кругъ... Какой-то приливъ молодости. На улицахъ народъ моложе сталъ, въ поѣздахъ—моложе... Все забыто, все отброшено, кромѣ единого помысла о надвинувшейся почти внезапно войнѣ, и этотъ помыслъ слилъ огромныя массы русскихъ людей въ одного человѣка... Въ Петербургѣ ночью—тò особенное движеніе и тò особенное настроеніе, разговоры, тонъ,—тò самое выраженіе лицъ, какое мы всѣ и по всѣмъ русскимъ городамъ знаемъ въ Пасхальную ночь.)

Вѣдь и Пасху мы называемъ «красною»; христосуемся краснымъ яичкомъ, окрашеннымъ въ этотъ именно цвѣтъ по символу

искупительной крови... Дрожитъ напряженіемъ русская грудь и готовится вступить въ пасхальную «красную» годину историческихъ судебъ своихъ, дабы подвигомъ и неизбѣжною кровью купить спасеніе тѣхъ остатковъ братскихъ народовъ, одна половина которыхъ лежить мертвыми костями подъ тевтонскимъ и мадьярскимъ племенемъ, а за другую, еще живую половину нашихъ братьевъ, теперь пойдетъ послѣдній споръ и окончательная борьба. Въ русскомъ народѣ — глубоко историческое чувство. Онъ сознаетъ громаду свою, мощь свою; онъ знаетъ, что мощь и громада эта «не напрасно лежать у Бога». И знаетъ также, что множество народовъ смотрятъ на эту громаду — одни съ ревнованіемъ, ненавистью и опасеніемъ, другіе — съ надеждою, какъ на покровъ и щитъ свой. И вотъ пришелъ годъ испытанія, «крѣпокъ» ли щитъ этотъ, надеженъ ли этотъ покровъ?

Ни одной нигдѣ хвастливой фразы не приходится слышать. Всѣ инстинктивно чувствуютъ надвинувшуюся грозу, и знаютъ, что около грозы никакое праздное

слово неумѣстно. А хвастливость—праздное слово. Но слышится рѣшительно вездѣ одно великое, радующее слово: «будемъ всѣ какъ *одинъ*, забудемъ всѣ свои *раздѣленія* и всѣ домашнія былыя *ссоры*». И этотъ энтузіазмъ къ единству и радость о единствѣ входятъ большимъ стимуломъ въ народныя уличныя движенія и придаютъ имъ возвышенную нравственную окраску. По-истинѣ, можемъ сказать какъ въ пасхальный искупительный день — «Да другъ друга обьемемъ».

Такъ мы обьемемъ всѣ другъ друга передъ великою и страдальческою «нужею», какъ называютъ лѣтописи всякій народный трудъ, и терпѣніе, и страданіе. Мы входимъ въ историческую годину. Оттого-то мы всѣ и помолодѣли, и пріосанились, что теперь каждый день пойдетъ какъ историческій день, каждая недѣля пойдетъ какъ историческая недѣля, и всякій изъ насъ, рѣшительно всякій, — большой и малый, старый и молодой, — уже сейчасъ дѣлаетъ историческое дѣло вотъ этимъ самымъ энтузіазмомъ своимъ, готовностью выносить, терпѣть, нести жертвы для Отечества, ко-

торое во-истину становится сейчасъ престоломъ и алтаремъ. Намъ придется много терпѣть,—но и счастливы, однако, мы, потому, что вѣдь рѣдкому поколѣнію выпадаетъ на долю пережить настоящую историческую эпоху.

И вотъ бьются наши сердца тревогою, готовностью и героизмомъ. Теперь у всѣхъ погоны на плечахъ—у крестьянина, у рабочаго, у чиновника, у купца; у многихъ эти погоны лягутъ на плечи и видимо, у другихъ—они лягутъ невидимо, заставивъ вздыматься его грудь по-солдатскому, по-военному. Нынѣ мы всѣ воины, потому что наша Россія есть воинъ, а съ Россіею—мы всѣ. Вотъ что подняло насъ... Ноги не стоятъ, а бѣгутъ. Всѣмъ куда-то хочется... Всѣ точно идутъ въ походъ; одни—физически, другіе за ними—мысленно, и вѣрою, и крестомъ.

Великая минута, великій годъ. Много онъ унесетъ, но много и принесетъ. Теперь мы всѣ живемъ—день за недѣлю, недѣлю—за годъ. Души расширились, и тѣло не поспѣваетъ за душою, и отъ этого такъ

торопится, спѣшить и трепещетъ. Оттого не сидится дома; оттого хочется выйти каждому на улицу и слиться съ волнами народными.

Старый былинный Микула Селяниновичъ пробуждается,—и около него будетъ много хлопотъ нѣмецкому гренадеру.

17 іюля.

II

Напоръ германскихъ племенъ на славянскія—завершился: Германская имперія объявила войну Русской имперіи. Исполинъ пошелъ на исполина. За нашей спиной — все славянство, которое мы защищаемъ грудью. Пруссія ведетъ за собой всѣхъ нѣмцевъ,—и ведетъ ихъ къ разгрому не одной Россіи, но всего славянства. Это — не простая война; не политическая война. Это борьба двухъ міровъ между собой.

Да не будетъ малодушнаго между нами. Сейчасъ одна мысль: объ единствѣ, крѣпости духа, твердомъ стояніи передъ вра-

гомъ. Будемъ всѣ какъ одинъ человѣкъ, будемъ какъ въ войну 12-го года. Это—вторая «отечественная» война, это—защита самыхъ основъ нашего отечества. Забывшаяся Германія видитъ, и всегда видѣла, главное ограниченіе своего могущества и необузданныхъ притязаній въ могуществѣ Россіи и силѣ духа ея арміи.

Германія повторила въ объявленіи войны Россіи тотъ жестъ, какой сдѣлала Австрія въ отношеніи Сербіи передъ войной. Что это значитъ? Не хотѣла ли Германія выразить этимъ, что она смотритъ на Россію и уважаетъ Россію не болѣе и не иначе, чѣмъ Австрія—маленькій славянскій народъ? Ближайшіе недѣли и мѣсяцы покажутъ, такъ ли всепобѣдителю нѣмецъ, какъ онъ представляется самому себѣ.

Мужайся, русскій народъ! Въ великій часъ ты стоишь грудью за весь сонмъ славянскихъ народовъ,—измученныхъ, задавленныхъ и частью стертыхъ съ лица земли тевтонскимъ натискомъ, который длится уже вѣка. Если бы была прорвана теперь «русская плотина», нѣмецкія воды смыли бы только что освобожденные рус-

скою кровью народы Балканскаго полуострова...

Да пошлетъ Богъ свое благословеніе на нашего Государя и на нашу Родину въ ея великомъ и правомъ дѣлѣ!

19 іюля.

III

Люди, которые совершаютъ дурной поступокъ, но въ предположеніи, что это—поступокъ хорошій, что онъ—нуженъ, полезенъ и до извѣстной степени славенъ, конечно «заслуживаютъ снисхожденія» по суду присяжныхъ всего свѣта. Тутъ есть грѣхъ невѣдѣнія, но нѣтъ грѣха злобы, злодѣянія; даже нѣтъ «дурного поведенія», о которомъ вѣдь нужно предварительно знать, что оно—«дурное поведеніе», и тогда хорошій человѣкъ отъ него удержится, а дурной человѣкъ его пожелаетъ. Вотъ объ этой разграничительной линіи между «дурнымъ человѣкомъ» и «хорошимъ человѣкомъ» мнѣ и хочется сказать по поводу

разгрома германскаго посольства, какъ свидѣтелю со стороны... Хочется сказать, дабы торопливо отбросить тотъ сконфуженный и извиняющійся тонъ, какой и офиціально и неофиціально принять печатью,—и не одной печатью,—въ отношеніи народной толпы въ Петербургѣ, якобы становящейся бурной и угрожающей, сорной и порочной... Ничего подобнаго!

Было за-полночь, когда группа человекъ въ 200—300 принесла «трофеи» разгрома, «отнятые у германцевъ», именно портреты Государя и Государыни, къ подъѣзду одной редакціи, прося принять побѣдные знаки, т.-е. поставить отнятые у нѣмцевъ портреты—у себя. Они пропѣли гимнъ, *очень стройно* (чего безъ выучки едва ли можно сдѣлать), и ожидали... Въ редакціи сказали, что конечно «нельзя принимать», что это вообще—дурное дѣло, и «дурнымъ пахнетъ», а потому никто къ манифестантамъ не вышелъ и ничего имъ не отвѣтилъ. Ночь была теплая, и я сбѣжалъ на улицу и вмѣшался въ толпу...

Были люди «на-веселѣ»... Гдѣ, какъ и откуда они взяли «спиртного», я не знаю...

Въ трамваяхъ и въ вагонѣ я слышалъ, что по всѣмъ аптекамъ забранъ весь «рижскій бальзамъ», идущій въ пользу при заболѣваніяхъ желудка; можетъ, употребительны и другія спеціи... Этимъ или другимъ способомъ, но люди были на-веселѣ,—только не было между ними ни одного пьянаго.

— Принесли портреты!.. Примите!!.. Неужели не примете?

Въ вопросѣ звучало полное недоумѣніе и почти готовность обвинить въ политической измѣнѣ... Не прямо въ «измѣнѣ», но все-таки — въ равнодушіи къ родинѣ, въ холодности, въ отсутствіи патріотизма.

Я растерялся. Говорить имъ о правахъ собственности, что портреты — германская собственность, «собственность германскаго посольства», и что это «не трофей, а кража» и тѣмъ паче «разбой» — было также невозможно, какъ невозможно увѣрять матросовъ, берушихъ на abordажъ непріятельское судно и подвергающихъ его разгрому, что они совершаютъ «разбой и убійство». Въ томъ и дѣло, что стоявшая толпа была толпа побѣдителей, и окунать ихъ въ холодную воду разочарованія

было люто, жестоко, и у меня не хватало духу сказать имъ правду...

Передо мной стояли люди-простецы, маленькіе русскіе люди, ничему или почти ничему не выученные, но грѣхъ которыхъ и заключался въ этой невыученности... Сейчасъ же за нею начинались героическія русскія чувства, которыми живемъ и всѣ мы, которыми мы и будемъ совершать подвиги на войнѣ: но *тамъ*—это будутъ «подвиги», ибо все будетъ дисциплинировано и по закону, а у этихъ бѣдныхъ и маленькихъ людей вышелъ «разбой», потому что *внѣ* дисциплины и *не* по закону... Они посмотрѣли на свой поступокъ съ «германскимъ посольствомъ», какъ на героизмъ, подвигъ и нѣкоторое величіе, потому что вѣдь посольство дѣйствительно являетъ собою дворецъ въ стилѣ средневѣковаго замка, и «взять» его и «уничтожить» для толпы простяковъ казалось чѣмъ-то грандіознымъ.

Будь посольство поменьше, поскромнѣе, потише—можетъ быть его бы и не разгромили. Но здѣсь контрастъ между «я» и «дворцомъ» былъ соблазнителенъ. Вѣдь